

СЕРБСКАЯ НАРОДНАЯ МИФОЛОГИЯ В АРЕАЛЬНОМ АСПЕКТЕ

© 2020 г. А.А. Плотникова

*Д-р филол. наук, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН**annaplotn@mail.ru**Авторская работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 20-012-00300А
«Низшая мифология славян: новые методы и подходы к исследованию»*

Статья посвящена ареальному распределению типов мифологических персонажей и их наименований на территории сербского этнолингвистического пространства. Отмечено, что на сербско-болгарском пограничье с востока и сербско-македонском — с юга наблюдаются переходные явления как в языке, так и в народной культуре в силу единства южнославянского этнодиалектного пространства в целом. В этих регионах отмечается ряд особых наименований мифологических персонажей, которые не встречаются на западе Сербии. На западе Сербии, на границе с Боснией и Герцеговиной, по ряду культурно-языковых признаков выделяется так называемый центральный южнославянский ареал (включающий восточную Герцеговину, северную Боснию, северную Черногорию), для которого характерны наименования, не свойственные восточному ареалу. Рассматриваемая в работе народная культура Республики Сербской закономерно вписывается в сербское лингвистическое пространство (центр Южной Славии). В статье, помимо опубликованных этнографических, лексикографических и диалектных источников, используются собственные записи из полевого обследования сел в разных южнославянских регионах 1997–2019 гг.

The article is devoted to the areal distribution of types of mythological personalities and their names on the territory of Serb ethnolinguistic space. It is noted that on the Serbian-Bulgarian borderland in the east, and the Serbian-Macedonian borderland in the south, one observes transgressional phenomena both in the language, and in the folk culture due to the unity of South Slavic ethnodialectal space in general. In these regions, one finds a number of specific names of mythological personalities, which are absent in the west of Serbia. In the west of Serbia, in its turn, on the border with Bosnia and Herzegovina, a series of cultural and linguistic markers let specifying the so-called central South-Slavic areal which includes eastern Herzegovina, northern Bosnia and northern Montenegro, which is characterized by names not typical for the eastern areal. The folk culture of Republika Srpska considered in the article fits into the Serbian linguistic space (the centre of South Slavia). Furthermore, the article besides published ethnographic, lexicographic and dialectal sources, presents the author's field-trips notes of villages in different South Slavic regions from 1997 to 2019.

Ключевые слова: народная мифология, сербские культурные диалекты, диалектная лексика, заимствования, фольклор, былички.

Keywords: folk mythology, Serbian cultural dialects, dialect vocabulary, borrowings, folklore, bylichkas (folk stories).

DOI: 10.31857/S0869544X0012093-5

Введение. Предваряя краткий очерк сербской народной мифологии, следует упомянуть о специфике балканославянской народной мифологии в целом. Сербское лингвистическое и культурно-языковое пространство закономерно вписывается в балканский контекст (см. [1]), имея общие черты и с прилегающими южнославянскими ареалами (болгарским, македонским, черногорским, боснийским, герцеговинским), и с неславянскими балканскими традициями — албанской и румынской (см., например, [2. С. 203–204]), отчасти — турецкой и греческой (см., например, [3–5]). Общая балканская основа образов многих мифологических персонажей (далее — МП) проявляется не только в конкретных лексических заимствованиях (например, ю.-серб. *ламња* ‘змеи-дракон’ — гречизм; ю.-серб. *куљшедра* ‘змеи-дракон’ — албанизм, и т.д.), но и на уровне экстралингвистических характеристик. Так, весь тип МП, условно называемый «вила» (прекрасная девушка-русалка, помогающая или мстящая людям, оказавшимся в ее лесных или гористых владениях), несмотря на разнообразие номинаций (рум. *iele* (pl.), алб. *zanëet*, греч. η Νεράιδα и т.д.) обладает сходным набором основных параметров: женский пол, красота, молодость; способность к танцам и пению; обитание у водных источников, в лесах, лугах, пещерах; способность к перемещению по воздуху и т.д.

Другая важная черта сербской народной мифологии определяется ее органичной связью с соседствующими славянскими традициями. На лингвистическом материале постепенность в переходе диалектных зон от болгарского востока к альпийскому (словенскому) западу Южной Славии очень точно показал П. Ивич: каждый новый «меридиональный» пояс отличается от предыдущего какими-то новыми добавочными признаками (см. перевод на русский язык выдающейся книги П. Ивича «Српски народ и његов језик» [6]). Соответственно сербское культурно-лингвистическое пространство попадает в этот своего рода «слоеный пирог», имея крепкие связи со всеми прилегающими народными традициями — болгарской, черногорской, боснийской, герцеговинской и т.д.

Традиционно выделяется противопоставление диалектной староакцентной зоны (призренско-тимокские говоры) и новоакцентной (западносербские говоры, называемые также «восточногерцеговинскими» и лежащие в основе сербского литературного языка) по ряду грамматических, лексических, а также и экстралингвистических культурных признаков. Вместе с тем на сербско-болгарском пограничье с востока, сербско-македонском — с юга наблюдаются переходные явления как в языке, так и в народной культуре в силу единства южнославянского этнодиалектного пространства в целом. На западе Сербии, на границе с Боснией и Герцеговиной, эти явления тем более очевидны: по ряду культурно-языковых признаков выделяется так называемый центральный южнославянский ареал (включающий восточную Герцеговину, северную Боснию, северную Черногорию). На этом фоне народная культура Республики Сербской закономерно вписывается в рассматриваемое сербское лингвистическое пространство. На сербско-венгерском пограничье наблюдаются отдельные унаризмы как в языке, так и в системе народной мифологии.

Характеристика основных МП¹. Обитающие в природе. Наиболее характерным для балканской системы МП, обитающих вне дома (в лесу, на горе, в поле,

¹ В данной работе рассматриваются наиболее значимые для сербского культурно-диалектного пространства персонажи, ряд важных МП остается вне обзора либо по причине их широкого у славян распространения, например, дьявол (*ђаво*), привидения (*прикази*, *привиди*), либо из-за редких фиксаций у сербов (например, водные чудовища — живущие в озерах змеи-драконы, водяные быки и т.п., см. об этом [7]), либо по исключительно локальному бытованию МП (например, сезонные демоны: с.-вост.

у водного источника и т.д.) можно считать женский мифологический персонаж, называемый на большей территории Сербии *вила*, а на юге и юго-востоке также *самовила* (иногда — *самовилка*, Власотинац, с. Равна Гора, соб. зап., 1998 г.), *самовилска вила*, *вила-самовила* (Лесковацкий край, Пиротский край, Пчиня [2. С. 614–620]). Там же можно встретить и такие их названия, как *самовилске сестре* (Пчиня, Лесковацкий край [9. С. 334–335]), *андре*, *андришта* (Пчиня [10. С. 104–106]), *самовил-девојџа* (Тимок [11. С. 251]). Излюбленное занятие персонажей — танцевать в хороводе на лесных полянах, после чего на этом месте остается круг вытоптанной (примятой/выжженной/почерневшей/пожелтевшей) травы, называемый *вилско* (*вилино*, редко — *виљо*) *коло*, *самовилско коло/оро*, *колиште*, *игриште*, в.-серб. *оро-игриште*, см. карту и комментарий [2. С. 626–630]. Место танца МП можно также распознать по кругу грибов, выросших за одну ночь; оно считается опасным для людей, прошедших по нему: человек заболевает и даже умирает (ср. в.-серб. *нагазио на вилино оро* (наступил на круг вил), т.е. ‘тяжело заболел’). В восточной Сербии известны и представления о трапезе вил под деревьями: человека, наступившего на их невидимую трапезу, они лишают зрения, ума и т.д. (Хомолье [12. С. 295]; Хум в р-не Ниша, [13. С. 84]; с. Равна Гора в Лесковацком Поморавье, соб. зап., 1998 г.). Название этого места может быть связано с внутренней формой ‘стол вил’, например: *вилинска совра* — место трапезы вил под деревом, нередко плоский камень; попавший под такое дерево человек заболевает (окрестности Парачина [14. С. 71]). Следы пребывания МП считаются и необычные деревья, кустарники с плоской верхушкой: *самовилска круша* «груша самовил» — дерево «без верха» (с. Еловица, Горни Висок, окрестности Пирота, соб. зап., 1998 г.); таким же плоским сверху деревом или кустом (похожим на «стол»), где обитают рассматриваемые персонажи, может оказаться и шиповник, боярышник, слива и пр.: *столовата круша* «груша, как стол», *столоват глог* «боярышник, как стол» (Горни Висок [15. С. 53]). Местами их пребывания считались также деревья со спутанными в виде большого гнезда ветками: *самовилско дрво* «дерево самовил» (южная и юго-восточная Сербия), *самовилска слива* «слива самовил», *аљава слива* «дерево, где живут самовилке, ветер, нечистая сила» (с. Равна Гора, соб. зап., 1998 г.). Идентификация вилы с ветром и вихрем (в котором она живет, кружится и т.д.) характерна для восточных и юго-восточных регионов Сербии, что имеет большое распространение в соседних болгарской и македонской традициях.

В западной Сербии часто фиксируются представления о необыкновенном человеке, называемом *вилењак*, которого «взрастила» вила или который вступил с ней в сексуальные отношения, после чего получил чудесные способности лечить людей, не подвергаться сглазу и т.д. [16. С. 99]. У мусульман на юго-западе Сербии до сих пор можно записать архаические рассказы о мужчинах, к которым приходят вилы для любовных утех. Такого человека называют *виловит* (окружающие не должны знать о его встречах с вилой, иначе она его погубит), а ребенка, рожденного от него вилой — *вилче*, т.е. «маленький вилёнок»: когда он вырастает, то «всё знает и всё умеет, такой бывает один — на тысячи» (с. Ка-лафати, окрестности Прибоја, соб. зап. 2014 г.).² Представление о ребенке вилы,

тодори, *тодорци* ‘всадники или кони, топчущие людей’ в первую субботу Великого Поста (*Тодорову суботу*), подробнее см. [8] или святочные МП «караконджулы», известные в восточной и южной Сербии [3. С. 500]; в.-серб. *о(п)сенье* (*осоне*), ю.-морав. *омаје* ‘ночные МП, способные превращаться в животных и сбивающие людей с пути’, подробнее см. [9. С. 136–139]) и некоторые другие.

² Этнолингвистическая экспедиция автора в регион Полимья — к мусульманам, проживающим в окрестностях Прибоја и Приеполья, стала возможна благодаря директору Музея в Приеполе — историку С. Пушице (проект «Мультидисциплинарные исторические исследования Полимья»).

необыкновенных людях, бывших в контакте с вилой или рожденных от связи с обычным человеком, известно и далее на западе Южной Славии — в восточногерцеговинских, черногорских, хорватских далматинских областях.

В сербских селах Боснии и Герцеговины распространены поверья о вилах, заплетающих по ночам гриву коням (окрестности Приедора, соб. зап. 2017 г.;³ центральная Босния, соб. зап., 2011 г.). Считается, что человек не должен трогать эти косички руками (в любом случае он не сможет с ними справиться); вилы на следующую ночь придут и расплетут свое творение сами: *Оне другу вечер дођу и расплету* (Они на другой вечер придут и расплетут) (с. Горня Драготиня, 2017 г.).

Важное место в сербской народной традиции занимают также представления об обитающем в воздухе (главным образом, в облаках или на высоких горах) мифическом существе, называемом *змај* (в.-серб. *змеј*), как правило, защищающем угоды с урожаем «своего» села от града и непогоды. В балканославянской традиции (в восточной, южной и юго-восточной Сербии, как и в граничащих с ними областях Болгарии и Македонии) ему противостоит змееподобный противник, для обозначения которого используются соответственно либо славизм *(х)ала*⁴, либо турцизм *аждаја*⁵, либо грецизм *ламя*, — дракон (как правило, в женской ипостаси), ведущий за собой град и таким образом «пожирающий» урожай. Образ змея в сербской народной традиции, с одной стороны, имеет черты, присущие общеславянскому змею-дракону, способному якобы вступать в сексуальные отношения с реальной женщиной в селе (откуда многочисленные былички на эту тему и представления о способах защиты обычной женщины от любовных притязания змея-дракона), с другой стороны, типично балканской можно считать его особенность вступать в борьбу «за урожай» с воздушным противником. Разумеется, змею здесь приписываются такие характеристики, как сила, мощь, воинственность. В тех же областях Сербии существуют и поверья о человеке-змее (*змајевит човек*, в.-серб. *змејави човек*), душа которого во время сна покидает тело и вступает в борьбу с небесным противником.

Мотив воздушной битвы демона-защитника места имеет аналогии со способностями сверхъестественного персонажа *здухач* (*здухаћ, стухач, здува, стуха*), представления о котором бытуют в западной Сербии (Валевский край [21], южные склоны Златибора, Санджак [22. С. 238–247]), а также пограничных с ней регионах Восточной Герцеговины и соседней Черногории [2. С. 658–663]. Отличие последнего от змея-человека состоит, в частности, в том, что он может быть не только обычным человеком в селе, но и домашним животным (например волком, быком), птицей (например орлом), души которых во время сна устремляются в битву с опасным противником. В западной Сербии человек со

³ Полевая работа в Республике Сербской (Босния и Герцеговина) в окрестностях г. Приедор (20–30.03.2017) велась в рамках проекта ученых из Университета в г. Баня Лука «Проучавање и заштита нематеријалног културног наслеђа Републике Српске» («Изучение и защита нематериального культурного наследия Республики Сербской»), координатор проекта проф. Еленка Пандуревич. Сбор сведений по народной культуре этого сербского региона по программе этнолингвистического изучения балканославянских зон [17] позволил заполнить значительные лакуны на этнолингвистических картах в области северо-западной Боснии (карты «Вампир», «Ведьма», «Вила» и др. [2. С. 614–718]).

⁴ В начале нынешнего столетия была представлена этимология, связывающая лексику *(х)ала* с праслав. **xala* в значении «стихия; размах стихии» откуда: «демон, воплощающий стихию» см. [18. S. 17], см. также [19. С. 97].

⁵ В персидском: «огромное чудовище, пожирающее людей и животных», откуда турецкое «змея, мифологическое существо змееподобного облика с ногами, крыльями и с одной или несколькими головами» [20. S. 108].

сверхъестественными способностями, отправляющийся во время сна на битву с мифическим противником (в том числе с персонифицированной тучей, градом), именуется также *ветрењак* (Шабачкий край [21]), *вјетрогоња* (Валевский край [21]), *вјетровњак* и *здухаћ* (Ужицкий край [22. С. 344–345]), *времењак* (окрестности Косьерича, соб. зап., 2016 г.)⁶ от серб. *време* ‘погода’, *градобранитељ* (Поцерье, окрестности Шабача [24. С. 289–290]), а севернее — *облачар* (Срем [25. С. 136]). Былички о нем имеют сходные мотивы: внезапно засыпает перед приближением непогоды, затем пробуждается изможденный и измученный, сохраняя угрюмое молчание или, наоборот, рассказывая о славных за время воздушной битвы соседских деревьях, с помощью которых он боролся с невидимым врагом.

В сербских селах окрестностей Бача на территории Воеводины известен унаризм *шаркањ* — змей, ведущий градоносные тучи; на севере Сербии встречается также и карпатский сюжет о том, что верхом на змее летит управляющий им чернокнижник, при этом, если *шаркањ* махнет хвостом, то разорит всё вокруг себя [21], подробнее о славонских аналогиях в соседней Хорватии см. [9. С. 53–54].

В восточной и южной Сербии антагонистом борца с непогодой — змеем выступает прожорливый дракон в женской ипостаси: *(х)ала* или *аждаја* (ю.-серб. *ламя*, *ламња*). Иногда вредоносная *(х)ала* и змей-защитник отождествляются: *змајевит човек* и *аловит човек* в некоторых регионах восточной Сербии обозначают человека, который способен во время сна бороться с бурей и непогодой, защищая свое село.

Как уже было упомянуто, для восточной Сербии также характерны представления о змее (в.-серб. *змеј*, *змај*), приходящем к красивым девушкам в облике молодого мужчины. Девушка постепенно слабеет, поэтому известны обряды: перед входом в дом ставят чан с кипящей водой, чтобы змей туда попал (с. Добруевац в Болевацком крае, соб. зап. 2005 г.)⁷, одевают девушку в старые наряды цыганки, чтобы змей не захотел навещать ее как «инородцу» (с. Равна в Княжевацком крае, соб. зап. 1997 г.), и т.д. По поверьям из окрестностей Болеваца, *змај* прилетает к окну понравившейся ему девушке и уносит ее куда-то, откуда она возвращается, не помня, где и как провела время, поэтому загулявшую допоздна девушку укоряют: «Змеи тебя (где-то) носили» (с. Мирово, соб. зап. 2005 г.).

Обитающие в доме / селе. Змея-защитница дома — персонаж, известный всем сербам. Наиболее частое наименование — *змија-чуваркућа* ‘змея, охраняющая дом’, *кућна змија* ‘домовая змея’, иногда *чуварица* ‘охранница’ и под. По поверьям, живет или в стене дома, или под порогом, или под очагом, в фундаменте, а когда выползает к людям, ее нельзя убивать, иначе в доме будут происходить несчастья: болезни людей и скота, упадок хозяйства, смерть самого хозяина (см. например, [26. С. 142–145]). В окрестностях Приедора (Республика Сербская) считается, что змею, случайно или намеренно убитую в доме, следует похоронить, «как человека»: для этого недалеко от дома выкапывают

⁶ Синонимом в этом регионе может выступать термин *виловит (човек)* в значении ‘человек, способный бороться с непогодой’, т.е. человек, наделенный вилами сверхъестественными способностями (окрестности Косьерича, соб. зап., 2016 г.). У сербов в северо-западной Боснии (Республика Сербская) фиксируется образование от корня *вил-*: *вилењак* в значении ‘ветренный человек; человек со странностями’ [23. С. 45], что свидетельствует о стертости первоначального значения мифонима.

⁷ Полевые этнолингвистические исследования автора в Болевацком крае состоялись в составе экспедиции Института балканистики под руководством Б. Сикимич в июне-июле 2005 г.

длинную ямку, как будто *рака* (могила), заворачивают змею в тряпку и кладут, вытянув в длину. Засыпав землей, на холмике в изголовье затыкают крестик: *Каже, кад убијеш, каже, треба сахранити као инсана пошто је то кућна змија* (Говорит, когда убьешь, нужно похоронить, как человека, потому что это «домашняя змея») (с. Доня Бистрица, соб. зап. 2017 г.). Подобное отношение к домовой змее фиксировалось и в других сербских регионах (например, в селах западной Сербии ее накрывали белым полотном и закапывали под терновником [27. С. 127–128]). Свидетельства об особом почитании домовой змеи (запрет убивать, символические похороны) указывают на связь МП — домашнего покровителя в змеиной ипостаси — с образом предка дома, ср. выводы этнолингвистов и этнографов [28. С. 310; 26. С. 143].

Помимо поверий о домашней змее, у балканских славян распространены представления о защитнике любого места, в том числе — источника воды, виноградников, сельских угодий, а также и любой постройки (моста, церкви). Последнее связано с балканскими верованиями в существование демона-защитника здания, который происходит от жертвы (человеческой или животной) или ее аналога (тени, следа), замурованных в фундамент либо стену строения (дома, церкви, моста, каменного колодца и под.). Основные источники сведений о подобных поверьях происходят с территории юго-восточной Сербии (торлакская диалектная группа), соседствующей с Болгарией и Македонией, где такие представления широко развиты. В сербских диалектах наименования данного МП — хранителя места — обозначаются турцизмом *сајбија* ‘хозяин’, грецизмом *таласом* (*таласон*)⁸, славизмом *сенћа* ‘тень’. Так, в Лесковацком Поморавье мифический хозяин места называется *сајбија* ‘хозяин’: если ошибиться при выборе места для строительства дома, то он будет причинять вред — умерщвлять людей и скот [29. С. 83]. В связи с типично балканским характером этого МП наиболее плотный сербский регион распространения поверья — восточная Сербия вдоль границы с Болгарией, т.е. тимокско-лужничкие говоры. Так, в регионе Горни-Висок (Пиротский край) *таласѣн* (*таласѣм*), *сѣнћа* — дух, который стережет здание и происходит от жертвы при строительстве (села Еловица, Дойкинцы, Брлог, Висока Ржана, соб. зап., 1998 г., ср. также [15. С. 56–57]). В Княжевацком крае *сѣнћа* — привидение, дух существа, тень которого была замурована при строительстве здания (человек или животное при этом погибают), после чего постоянно показывается возле него ночью в своем прижизненном облике случайным прохожим (с. Доня Каменица, МДАБЯ⁹, соб. зап. 1997 г.).

Приходящие в дом невидимые предсказатели / предсказательницы судьбы ребенка. На большей территории Сербии названия МП, предсказывающих судьбу новорожденного, образованы от **sud-*: *суђенице*, *судбенице*, *суђаје*, *судије*, *усуде*, что связано с их основной функцией — определять, «присуждать» судьбу человека, ср. соответствующие выражения в селах: ю.-серб. *суђеница суди* («судженица» судит), т.е. «судженица» определяет дальнейшую судьбу человека (Пчиня, соб. зап. 1998 г.), в.-серб. *тако му суђенице судиле* (так ему «судженицы» присудили), т.е. такова его судьба (с. Руиште, Болевацкий край, соб. зап. 2005 г.). Как правило, эти существа женского пола появляются втроем,

⁸ Не исключено турецкое посредство (через *telsem* ‘магическая вещь, талисман’), см. также подробно об этом: [5. С. 120, 126].

⁹ МДАБЯ — здесь и далее «Малый диалектологический атлас балканских языков», лексические и этнолингвистические материалы для которого собирались автором в с. Доня Каменица в восточной Сербии в 1997 г.

например, одна определяет судьбу новорожденного как счастливую, другая предсказывает ему несчастья, а третья снова возвращается к позитивному предопределению, при этом слово последней становится решающим (Пчина, соб. зап. 1998 г.). По всей Сербии известны способы встречи-ожидания данных МП с целью их задабривания или отпугивания на третью (седьмую) ночь: в первом случае оставляют сладости рядом с ребенком, одевая его в красивые пеленки и освобождая ручки, во втором — используют обереги, например, чеснок, спички и пр. кладут под голову младенца. Вместе с тем, на западе Сербии эти МП чаще представляются как существа мужского пола (ср. известную сказку «Усуд», записанную В. Караджичем в его родных местах в западной Сербии), например, в некоторых селах окрестностей Пожеги, Косьерича, Ужице встречается предсказание судьбы ребенка со стороны мужских персонажей, называемых *усуди*, или двух ангелов и одного «усуда» [22. С. 346], одного персонажа, называемого *усуд*, откуда выражение *усуд му усудио* («усуд» ему определил) о судьбе человека (с. Скакавци в окрестностях Косьерича, соб. зап. 2016 г.).

В северной части восточной Сербии (включая Пиротский край) по сербско-болгарскому пограничью распространены термины от другого корня, более известного в соседней Болгарии — от ⁺(о/у)*рис* по типу образований из греческого языка в северной части Болгарии: *ориснице*, *уриснице*, *одуриснице* (Заечарский край), *удуриснице* (окрестности Княжеваца), *удуришњаџи*, *удоришњаџи*, *(Богови) дуришњаџи*, *уришњаџи*, *урошњаџи* (с. Доня Каменица, МДАБЯ, соб. зап. 1997 г.), подробные карты наименований с комментариями см. [2. С. 694–711]. Следует отметить и уникальные для сербской культурно-языковой территории наименования *уродушџе* (*урудушџе*), *урудушњаџи* от корня **rod-*, зафиксированные Д. Златковичем в р-не Пирота [30. С. 194]. Образования от **rod-* в значении «мифическое существо, определяющее судьбу ребенка, отмечающее на противоположной периферии южнославянского лингвистического пространства — в Словении и на западе Хорватии (тип *rojenice*), что свидетельствует о богатой архаической составляющей прежде всего самого Пиротского края в Сербии.

По функциям и способам «приема» (задабривание, защита) все МП, определяющие судьбу ребенка у сербов, следует признать приблизительно сходными. Пожалуй, эксклюзивным можно считать отмеченную подготовку к приему демонов *суђаје* у сербов Призрена на Косове: там на место ребенка перед предполагаемым приходом МП клали куклу, сделанную из тряпок, чтобы всё плохое они предсказали кукле, которую на следующий день предписывалось выбросить [31. С. 222]. Выделяются на общем южнославянском фоне и поверья сербов в Хорватии: например, в Бании считали, что судьбу человека определяют два мифологических существа мужского пола, называемые *рис* и *урис* — первый отмеряет длину жизни, второй — определяет, как сложится жизнь; на Кордуне был известен *урис*, якобы ходивший по домам в облике нищего и предрекавший судьбу новорожденным: «Каково мне сегодня вечером, так пусть будет ему всю жизнь» [32. С. 74–75]. Эти верования во многом аналогичны западно-сербским, где фигурирует мужское мифическое существо, называемое от более частой у сербов основы **sud-*: *усуд* (область Шабаца [33. С. 55] и др.)¹⁰.

¹⁰ При полевой работе у сербов северо-западной Боснии (окрестности Приедора) МП, определяющие судьбу человека, не были зафиксированы, однако мотив «присуждения» доли при рождении многократно отмечался, о чем свидетельствуют фразы информантов: «свако дијете добије судбинску нит» (каждый ребенок получает нить судьбы); «мени је било суђено» (мне было суждено (при рассказе о своей биографии)); «како је коме било суђено» (как кому было суждено) и под. (соб. зап., 2017 г.).

Умершие некрещеными младенцы, которые, как полагают, затем превращаются в МП в разных обликах, известны на всей территории Сербии. В центральной и западной ее частях регулярно встречаются названия, мотивированные звуковой характеристикой персонажа: *дрекавац*, *дрекало*, *дреко*, *дрек* от серб. *дречати* ‘пронзительно кричать’ (Шумадия, Косьерич, Пожега, Ужице, Драгачево, Голия¹¹ в юго-западной Сербии), подробнее см. [2. С. 240, 686–690]. Продолжения находим в северной Боснии (Маглай, Дубица и др.), а также и в Поткозарье на северо-западе Боснии в Республике Сербской [23. С. 70]¹². В настоящее время, как и в прошлом веке, когда делались записи этнологов, фольклористов и диалектологов об этом МП, его внешний облик и функции оказывались достаточно стертыми и даже далекими от первоначального — происходящего от умершего некрещеным ребенка. Поэтому редкие фиксации схожести МП с младенцем особенно ценны для подтверждения его генезиса. Так, в Герже он представлялся в облике взъерошенного младенца с вытянутым телом и большой головой; по поверьям, происходит от умершего некрещеного или недоношенного ребенка; появляется ночью, перепрыгивая с берега на берег реки, мучаясь и оглашая окрестности невыносимым криком, чаще всего весной, с пением первых петухов исчезает [35. С. 341]. В окрестностях г. Кралево фиксируются и иные его характеристики, связанные с детскими шалостями: *дрекавац* — лохматое существо, появляющееся ночью со страшным криком, похожим на смех, и кидающееся в человека сливами [36. С. 87]. В окрестностях Ягодины *дрекавац* представляется как маленький ребенок, обитающий в реке и пронзительно кричащий (с. Стара Деоница, соб. зап. 2007 г.)¹³. Во многих других случаях МП описывается как ночное привидение, которого все боятся, поскольку своим криком оно предвещает смерть и несчастья. По нашим полевым записям из окрестностей Приедора (Республика Сербская), *дрекавац* — это животное (например, похожее на лисицу) или птица, которых редко можно увидеть, но их крик предвещает смерть кого-либо в семье (села Доня Драготиня, Прусци, Цикоти, Орловци, Веричи); в единичных случаях — лесное привидение, кричащее, как ребенок (с. Горни Орловци). В окрестностях Бая-Луки *дрѣкавац* — привидение, которое орет по ночам [37. С. 16].

Звуковая характеристика данного типа МП характерна и для его наименований в юго-восточной Сербии — в Лесковацком и Враньском Поморавье, где его называют *свирац* (*свирьц*) от серб. *свирати* ‘свистеть’. В регионе Власотинцы *свириц* — демонические существа, происходящие от умерших некрещеными детей: «они летят по небу и плачут, свистят» (с. Равна Гора, соб. зап. 1998 г.). В других селах Лесковацкого Поморавья отмечается, что *свирици*, чье происхождение также связывается с умершими некрещеными детьми, — это небольшие птицы, которые свистят в облаках; они пьют кровь овец [29. С. 563]. Южнее, в окрестностях Враня, *свирьц* описывается как демон, происходящий от умершего некрещеным младенца, которого нельзя увидеть, но можно слышать его свист. Более широкие функции МП как вредоносного демона приводит

¹¹ Автор выражает благодарность проф. Л. Раденковичу (в настоящее время — академик САНУ), замечательному знатоку сербской народной демонологии, за организационную и научную поддержку полевых исследований в с. Рудно на Голии летом 2002 г.

¹² Аналогичный тип номинации — по звуковой характеристике персонажа — отмечен у сербов в восточной Герцеговине: *плакавац* (от серб. *плакати* ‘плакать’), *јаукавац* (от серб. *јаукати* ‘плакать, причитать’) [34. С. 155–156].

¹³ За предоставленную возможность этнолингвистической экспедиции в окрестности Ягодины благодарю научного сотрудника Сербской академии наук и искусств Смилиану Джорджевич и членов ее семьи, любезно организовавших мою полевую работу.

С. Зечевич из села в окрестностях Враня: появляется ночью в облике птицы и сосет роженицу, его свист вызывает выкидыш у беременной женщины и болезнь у детей [38. С. 123].

На южном сербском пограничье с Болгарией распространен иной тип названия данного МП — от **nav-* с характерным семантическим полем смерти: в.-серб. *навѣјак*, *навѣка* (часто в собирательном значении: *навѣје* (*наве*), *навѣјаци*, *манѣје*, *навоју*) (Пиротский край, Враньский край) [15. С. 50–52; 39. С. 161]¹⁴. Любопытно, что в ряде случаев звуковая характеристика демона и в этом случае может отмечаться в названиях: в.-серб. *кукумавка*, о которой говорят, что она кричит: «Куку-мау, куку-мау» и пьет кровь ребенка в пасмурную погоду (регион Горни Висок, сс. Дойкинцы, Брлог, соб. зап., 1998 г.). Важно отметить, что в области Горни Висок (Стара Планина на сербско-болгарском пограничье) персонаж считается особенно вредоносным для новорожденных и рожениц (пьет кровь у некрещеных младенцев и молоко у рожениц), и по этой функции составляет ареальное дополнение к более северному термину *бабице*, обозначающим демона болезни новорожденных и роженицы, подробнее см. [9. С. 40–50]. *Бабице* известны на достаточно широкой территории Сербии: в Хомолье, на Ресаве, Болевацком крае, окрестностях Княжеваца. В селах Хомоля *бабице* представлялись в облике женщин с длинными волосами в черном (зачастую они были невидимы), они, по поверьям, ночью нападали на роженицу и новорожденного [12. С. 95]. Рассказы о них до сих пор сохраняются в селах Болевацкого края, но их предполагаемый внешний облик никак не описывается: пожилые женщины вспоминают, как они сами сразу после рождения ребенка надевали «бусы» из чеснока, чтобы на них «не налетели бабицы» или «не наплевали бабицы» (с. Мирowo, соб. зап. 2005 г.), как клали под голову ребенка базилик, иначе его «схватят бабицы», т.е. он заболеет (с. Руиште, соб. зап. 2005 г.). Роженице в течение 40 дней после родов возбраняется выходить ночью из дома, спать с мужем, поскольку считается, что иначе «ее убьют бабицы»: она будет вялой и сонливой (с. Добруевац, соб. зап. 2005 г.). В ряде сел Пиротского края *бабице* считаются не только душами умерших рожениц в первые 40 дней после родов, но и душами умерших некрещеными детей [15. С. 45].

Вампиры/ходячие покойники. Ситуация с распределением диалектных наименований данных МП у сербов еще раз с очевидностью показывает необходимость выходить за территориальные границы государства с целью показать районирование народной духовной культуры какого-либо этноса. Примером того может служить дихотомия наименований *вампир*/*вукодлак* в южнославянском культурно-лингвистическом пространстве. В окрестностях Приедора повсеместно распространено наименование вампира (ходячего покойника) *вукодлак*, характерное для западной части Южной Славии в целом (см. [2. С. 634–645, 712]), т.е. для Боснии, Хорватии и отчасти Словении, но ни разу при этом до сих пор не зафиксированное ни в Сербии, ни в Черногории, где преимущественно фигурирует *вампир* и окказионально, в восточной Сербии, — *тенац* (*тенџа*) (Сврлиг [40. С. 248], Лужница [41. С. 77], р-н Княжеваца, Буджака и Пирота, соб. зап. 1997–1998 гг.)¹⁵. Полевые исследования традиции сербских сел окрестностей Приедора на северо-западе Боснии (Республика Сербская) показали, что именно «западное» наименование служит здесь

¹⁴ Об изолексах и изодоксах термина на территории Македонии и Болгарии см. [2. С. 686–693; 8. С. 45–49].

¹⁵ Данное наименование вампира / ходячего покойника известно и в некоторых других периферийных зонах Южной Славии — Загараце в Черногории, на островах и побережье Адриатического моря в Хорватии, подробнее см. [2. С. 634–640].

обозначением данного персонажа: «То се каже човек *повукодлачи*. Обичан човек умре и повукодлачи се. И онда се увек неђе привиђе. Каже: повукодлачио се. ...То је каже нечасна душа. Који је свашта радио: који је убио, који је палио, који је клао. Најзад повукодлачи, њега Бог не прима себи. Иде у *вукодлаке*» (Об этом говорят: превращается в ходячего покойника. Обычный человек умрет и сделается вампиром. И тогда всегда где-нибудь показывается. Говорят: становится вампиром. Это грешная душа. Который всё учинял: который убил, который поджигал, который резал. В конце концов становится ходячим покойником, его Бог к себе не принимает. Идет в вампиры) (с. Горня Драготина, соб. зап. 2017 г.). В настоящее время термин *вукодлак* в этих селах чаще используется как обозначение драчуна, вора или неряшливого человека (иногда — косматого зверя, который может съесть человека), что свидетельствует о постепенной потере народных представлений об МП.

В восточной и южной Сербии распространены поверья о том, что *вампир* (в.-серб. *тенџи*) невидим в первые 40 дней, при этом происхождение демона связывают с неправильными действиями на похоронах: через покойного перепрыгнула кошка, его не укололи иглой, не надрезали железным предметом. В первые 40 дней его присутствие можно распознать по лаю собак, которые чувят его и сопровождают от забора дома до окна (с. Добруевац в Болевацком крае, соб. зап. 2005 г.). Полагают, что если до 40 дней вампир не исчезнет, то получает некий облик человека или животного (*укости се* 'окаменеет', ср. также в.-серб., ю.-серб. *костеник*), тогда с ним гораздо тяжелее совладать. Для избавления от вампира оставшиеся части его одежды бросают в глубокий омут, водоворот, пускают вниз по течению реки, предполагая, что он последует за ними и утонет (сс. Руиште, Добруевац, Болевацкий край, соб. зап. 2005 г.); вешают флягу с вином на другом берегу реки, бросают специально испеченные для него булочки в реку, чтобы он за ними прыгнул в воду, при этом запрещается переходить реку самому изгоняющему: вампир сможет переправиться на другой берег, вскочив на спину человека (Пчина, соб. зап. 1998 г.). Все эти способы изгнания вампира из пространства дома обнаруживают аналогии в соседних балканославянских областях, особенно — в македонских.

Люди с демоническими свойствами. Ведьма (серб. *в(ј)ештица*) — наиболее часто встречаемый персонаж, как и у всех славянских народов. Вместе с тем у южных славян, в том числе сербов, этому МП часто присущи черты кровожадности (обладание функцией «пить кровь» людей и особенно младенцев), что соотносится и с верованиями в ведьму у других балканских народов, см. [1; 2. С. 218]. Так, в западной Сербии считается, что *вештица* — обычная женщина в селе, душа которой ночью покидает тело¹⁶ в виде бабочки или птицы с черными крыльями, на которых видны красные точки. В таком обличье она посещает младенцев, потому что у них «сладкая кровь». Птицу или бабочку следует накрыть банкой, тогда утром придет сама ведьма, умоляя выпустить птицу наружу [22. С. 348]. Известны и многочисленные обереги младенца от приходящей сосать его кровь ведьмы: оставляли рядом с ребенком острую бритву, втыкали нож, клали под подушку чеснок и др. По всей Сербии известны традиционные для ведьмы функции: магическими действиями отбирать молоко у домашнего скота (через уздечку, веревку; обегая поля верхом на навое в голом виде или собирая росу рано утром подойником и пр.); наводить порчу на соседей, особенно — молодоженов, навлекать на людей болезнь и пр.

¹⁶ Ср. сходные проявления демонических свойств человека во время сна, описанные в статье выше: раздел о людях, способных во время сна бороться с непогодой.

Предметы порчи, вредоносные действия по их созданию (колдовство) имеют название *чини* (от *чинити* ‘создавать, делать’), соответствующее з.-серб. название ведьмы — *чинилица* (Драгачево, соб. зап. 1997 г., район Косьерича, соб. зап. 2016 г.), *чиньарица* (Драгачево, соб. зап. 1997 г., Голия в юго-западной Сербии, соб. зап. 2002 г.) и подобные наряду с *вештица*. Следует отметить, что по левобережью Южной Моравы, т.е. на большой территории юго-восточной Сербии (Пиротский, Лесковацкий, Враньский края), в зоне призренско-тимокских говоров, преобладает название ведьмы от греч. *μάγισσα*: в.-серб. *маџијарка* (окрестности Княжеваца, соб. зап. 1997 г.), ю.-серб. *мађијушница* (район Власотинцев, соб. зап. 1998 г.), *мађешница*, *мађосница* и т.п. (область Пчини, соб. зап. 1998 г.). Отметим также, что зафиксированное в XX в. название *чинилица* у сербов Боснии (Боснийское Посавье, Боснийская Краина) в недавнем этнолингвистическом обследовании окрестностей Приедора нам не встретилось, в отличие от распространенного здесь *вјештица* — ведьма, которой приписываются те же вредоносные функции, что и в других частях Сербии, в том числе — сосать грудь ребенка. Если у младенца набухают за ночь грудные соски, то говорят, что его «сосет ведьма» (*вјештица ссе*), в этом случае грудь натирают два-три раза чесноком (с. Горня Бистрица, соб. зап. 2017 г.).

Персонаж «мора» — серб. (*ноћна мора* / *тмора* — широко известен на территории сербских сел и обладает разными чертами МП по генезису и функциям. «Мора» часто описывается как девушка, не достигшая возраста ведьмы, а потому вредящая по ночам молодым мужчинам (наваливается, душит), особенно тем, которые ее отвергли [16. С. 310]. По другим представлениям, это сосущее грудь младенцев ночное чудовище, сродни ведьме: например, в окрестностях Приедора (Республика Сербская) *тмора*¹⁷ может умертвить ребенка или удушить взрослого человека ночью (с. Цикоте, соб. зап. 2017 г.) или высосать грудь у младенца, после чего его тельце становится на груди красным — во избежание прихода «тморя» (синонимом выступает также *ноћна мора*) ребенка мажут чесноком, а у двери затыкают нож (с. Горня Драготиня, соб. зап. 2017 г.). В южносербских регионах *мора* нередко отождествляется с вампиром, который нападает на людей, ночующих по соседству с умершим: тогда следует перекреститься и состояние удушья во сне пропадает (с. Ябланица на Пчине, соб. зап. 1998 г.). В восточной Сербии бытуют рассказы о персонаже *мора*, который ходит от села к селу наподобие олицетворяемых эпидемических болезней (*чума* «чума», *куга* «холера»), от такого МП защищаются опаживанием села двумя волами-близнецами (с. Стубица вблизи Парачина [14. С. 73]).

Заключение. Распределение типов МП и их диалектных наименований в сербской народной традиции свидетельствует об основном противопоставлении культурных ареалов — западного и восточного, при этом юго-восточный сербский регион находится на культурном пограничье трех традиций — сербской, болгарской и македонской, тогда как западносербская часть (включая мусульманский юго-запад Сербии) составляет, как правило, единое целое с черногорской, восточногерцеговинской, северобоснийской народной культурой. Сербская мифологическая система Республики Сербской вписывается в этот центральный южнославянский ареал, т.е. имеет сходные черты с западносербскими мифологическими поверьями и практически общий корпус де-монологической лексики.

¹⁷ Инициальное *т* в данном случае, возможно, — результат контаминации *мора* от о.-слав. *мор-* с *тмуран* ‘мрачный, темный; насупившийся’, ср. значения *тмуран* в диалектном словаре говора Поткозарья [23. С. 301].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Плотникова А.А.* Южнославянская народная демонология в балканском контексте // *Studia mythologica Slavica*. № 1. Ljubljana, 1998.
2. *Плотникова А.А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004.
3. *Седакова И.А.* К проблеме заимствований в балканославянских языковых и этнокультурных системах // *Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением*. М., 2002.
4. *Плотникова А.А.* LAMIA в балканских традициях этнографического настоящего // *Балканские чтения 4. ELLAS Древняя, средняя, новая Греция. Тезисы и материалы*. М., 1997.
5. *Климова К.А.* *Стихийо* — дух-покровитель места в новогреческой мифологии и некоторые славянские параллели // *Исследования по славянской диалектологии*. М., 2006. Вып. 12. Ареальные аспекты изучения славянской лексики.
6. *Ивич П.* Сербский народ и его язык. М., 2017.
7. *Раденковић Љ.* Водени дух — водењак: словенске паралеле // *Aquatica* / Уред. М. Детелић, Л. Делић. Београд, 2013.
8. *Плотникова А.А.* Демонологизация календарного времени на Балканах: «Тодорова неделя» и сезонные демоны «тодорцы» // *Этнолингвистичка проучавања српског и других словенских језика*. У част акад. Светлане Толстој / Уред. П. Пипер, Љ. Раденковић и др. Београд, 2008.
9. *Плотникова А.А.* Южные славяне в балканском и общеславянском контексте: Этнолингвистические очерки. М., 2013.
10. *Филиповић М., Томић П.* Горња Пчиња // *Српски етнографски зборник*. Књ. 68. Београд, 1955.
11. *Динић Ј.* Речник тимочког говора // *Српски дијалектолошки зборник*. Београд, 1988. Књ. 34.
12. *Милосављевић С.* Српски народни обичаји из среза Хомољског. Београд, 1913. Књ. 19.
13. *Степановић В.* Казивања о митолошким бићима у селу Хум код Ниша // *Расковник*. Београд, 1998. Год XXIV. Бр. 93–94.
14. *Вучковић Р.* Казивања о митолошким бићима у селу Стубица код Параћина // *Расковник*. Београд, 1999. Год XXV. Бр. 95–98.
15. *Златковић Д.* Душе умрлих као митолошка бића у Горњем Високу // *Расковник*. Београд, 1998. Год XXIV. Бр. 93–94.
16. *Кулишић Ш., Петровић П., Пантелић Н.* Српски митолошки речник. Друго допуњено издање. Београд, 1999.
17. *Плотникова А.А.* Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М., 1996. Переизд.: М., 2009.
18. *Бјелетић М.* Духовна култура Словена у светлу етимологије: јсл. (x)ала // *Dzieje Słowian w świetle leksyki. Pamięci profesora Franciszka Sławskiego*. Kraków, 2002.
19. *Етимолошки речник српског језика*. Београд, 2003. Св. 1 (А–АШ).
20. *Škaljić A.* Turcizmi u srpskohrvatskom jeziku. Sarajevo, 1979.
21. *Etnološki atlas Jugoslavije*. Arhivska građa. Filozofski fakultet u Zagrebu.
22. *Зечевић С.* Из народне митологије ужичког краја // *Гласник Етнографског музеја у Београду*. Београд, 1984. Књ. 48.
23. *Далмација С.* Рјечник говора Поткозарја. Бања Лука, 2004.
24. *Јефтић М.* Одбрана од града у Поцерини // *Гласник Етнографског музеја у Београду*. Београд, 1958. Књ. 21.
25. *Шкарић М.* Живот и обичаји «Планинаца» под Фрушком Гором // *Српски етнографски зборник*. 1939. Књ. 54.
26. *Zečević S.* Poreklo naših verovanja o kućnoj zmiji // *Народно стваралаштво*. Београд, 1970. Год. 9. Бр. 35–36.
27. *Борђевић Тих. Р.* Природа у веровању и предању нашега народа. Београд, 1958. Књ. 2. (Српски етнографски зборник. Београд, 1958. Књ. 72).
28. *Гура А.В.* Символика животних в славянских народных верованиях. М., 1997.
29. *Борђевић Д.* Живот и обичаји народни у Лесковачкој Морави // *Српски етнографски зборник*. Београд, 1958. Књ. 70.
30. *Златковић Д.* Фразеологија страха и наде у Пиротском говору // *Српски дијалектолошки зборник*. Београд, 1989. Књ. 34.
31. *Vukanović T.* Srbi na Kosovu. Vranje, 1986. Т. 2.

32. *Ножинић Д.* Митолошка бића која одређују судбину детета // Расковник. Београд, 1998. Год. XXIV. Бр. 93–94.
33. *Милићевић М.* Живот Срба сељака. Београд, 1984.
34. *Борђевић Тих. Р.* Вампир и друга бића у нашем народном веровању и предању // Српски етнографски зборник. 1953. Књ. 66.
35. *Петровић П.Ж.* Живот и обичаји у Грузи // Српски етнографски зборник. 1948. Књ. 58.
36. *Раденковић Р.* Казивања о нечастивим силама. Ниш, 1991.
37. *Савић Д.* Из лексике духовне културе у говору Великог Блашког (код Бања-Луке). Дипломски рад. Нови Сад, 1997.
38. *Зечевић С.* Митска бића српских предања. Београд, 1981.
39. *Борђевић Т.* Деца у веровањима и обичајима нашега народа. Београд; Ниш, 1990.
40. Етно-културолошки зборник. Сврљиг, 1995. Књ. 1.
41. *Форски Д.М.* Лужнички речник. Бабушница, 1997.